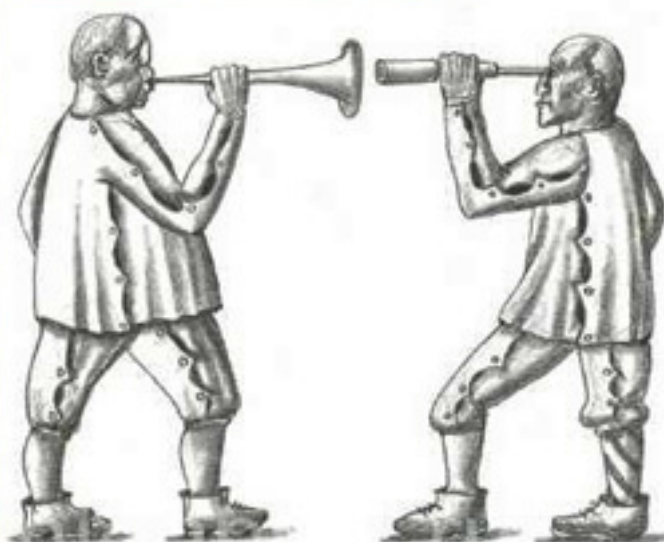

ВЕРОНИКА КРАШЕНИННИКОВА

АМЕРИКА-РОССИЯ:
ХОЛОДНАЯ ВОЙНА КУЛЬТУР
КАК АМЕРИКАНСКИЕ ЦЕННОСТИ ПРЕЛОМЛЯЮТ ВИДЕНИЕ РОССИИ

 европа

Вероника Крашенинникова

**Америка-Россия.
Холодная война культур**

«Европа»

2007

Крашенинникова В.

Америка-Россия. Холодная война культур /
В. Крашенинникова — «Европа», 2007

Что предопределяет несокрушимую убежденность американцев в том, что если они держат иностранцев в тюрьме без суда и без юридической защиты или щедро субсидируют «цветные» бунты против законной власти, то это действие в интересах Добра, тогда как любая попытка противодействия этому нажиму трактуется ими как воплощенное Зло? Как получается, что и республиканцы, и демократы едины в том, что весь мир состоит из потенциальных американцев, которым просто не повезло родиться в США? Что дает американцам чувство абсолютной правоты в их стремлении повсюду утвердить их собственные представления о разумности и справедливости? Почему все то, что мы расцениваем как применение двойных стандартов, американцы воспринимают как самоочевидную истину, потому что они «всегда правы»? На какое основание опирается стопроцентная уверенность президента Буша в том, что развязать войну в Ираке ему повелел сам Бог? Ответы на эти вопросы вы найдете в книге Вероники Крашенинниковой. What defines the American's immovable conviction that extra-judicial detention of foreigners and generous funding for "colored" revolts against legitimate authority constitute an action on behalf of Good, while any attempt to counter this pressure is interpreted as Evil incarnate? How did it come about that both republicans and democrats share the idea that the world consists of potential Americans who were simply not lucky enough to be born in the USA? What gives the Americans that feeling of absolute righteousness in their aspiration to enforce upon everyone else their own perception of what is reasonable and fair? Why, basing their judgment on the concept of their own infallibility, do the Americans regard as self-evident truth that which we perceive as a blatant application of double standards? When President Bush is certain that unleashing war on Iraq was commanded to him by God, what basis does that claim have? You will find the answers to all these questions in Veronica Krashennikova's book. В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения правительства

г. Санкт-Петербурга или Совета по торгово-экономическому сотрудничеству
США – СНГ.

© Крашенинникова В., 2007

© Европа, 2007

Содержание

Предисловие	6
Российская элита плохо понимает механизмы действия американской внешней политики	6
Идеология внешней политики США	7
Две школы и четыре концепции в отношении России	8
США и СССР – особенные, позитивные империи	9
Политическая религия США	10
Ключевые проблемы в отношениях Россия – США	11
Дилемма «единственной сверхдержавы»: трудно быть Богом	13
Мифы США о России и России о США	14
Продвижение демократии, «цветные революции»	15
Стиль переговоров США: торговля. Стиль России – поиск любви	16
Внешняя политика должна быть сочетанием и интересов, и ценностей	17
Часть I	19
О чем говорят ценности	20
Америка – нация парадоксов и противоречий	24
Либерально-демократическое кредо	26
Источники либерально-демократического кредо	29
Англопротестантская политическая культура	30
Протестантская религия и дух протеста	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вероника Крашенинникова

Америка-Россия. Холодная война культур

Предисловие

Российская элита плохо понимает механизмы действия американской внешней политики

Книга написана на очень актуальную тему. Дело в том, что российская элита плохо понимает механизм принятия решений по внешнеполитическим проблемам в Соединенных Штатах Америки. У нас были две крайности понимания, каждая из которых не соответствует реальности.

Во времена Советского Союза мы рассматривали США слишком идеологически, как концентрацию интересов мирового империализма, не желая углубляться в детали. А сейчас российская элита сама предельно деидеологизирована и поэтому не может понять американскую внешнюю политику, которая является в высокой степени идеологизированной. У нас молятся доллару, а в Америке, несмотря на пристрастие к доллару, все-таки во внешней политике первична именно идеология. Как формируется эта идеология, и показано в книге.

Наш подход к политическим проблемам предельно циничен, и отсюда наше неверие в то, что американцы могут действовать по идейным соображениям. Нам кажется, что они тоже предельно циничны. У американцев есть и прагматизм, есть и двойные стандарты, бывает цинизм в отношении к союзникам, но в целом американская внешняя политика не цинична. Она основана на ценностях.

Идеология внешней политики США

Книга посвящена идеологическим основам американской внешней политики. В ней очень четко выделяется основная триада. Наподобие дореволюционной России, где были самодержавие, православие и народность, американская триада – это либеральные ценности, религиозный протестантский мессианизм и рыночная экономика. Американцы верят в **теорию демократического мира**, суть которого заключается в том, что демократии не воюют друг с другом и скорее являются союзниками. Поэтому верят, что демократические страны не могут не быть их союзниками.

Убежденность американцев в том, что свобода в их понимании является единственной моделью устройства современного мира, абсолютно непоколебима. Они построили свое собственное общество на принципах этой свободы, и поэтому им очень сложно поверить, что может быть что-то другое. Тем более что они смогли добиться колоссальных успехов и у них множество союзников.

Две школы и четыре концепции в отношении России

При этом в американской внешней политике издавна идет борьба между двумя школами: школой идеалистов и школой реалистов. Идеалисты подходят к своим союзникам с точки зрения немедленной реализации идеалов свободы, тогда как реалисты ведут политику с точки зрения «отложенной свободы». Вторая школа исходит из того, что в интересах Соединенных Штатов Америки – реалистический анализ столкновения интересов, а поскольку Соединенные Штаты по определению являются главным носителем свободы, то, что выгодно Соединенным Штатам, выгодно и идеалам свободы.

Эти две школы ведут постоянную борьбу, являя собой скорее сочетание тех же ценностей и интересов, но в разных пропорциях. У идеалистов больше ценностей, немного меньше интересов, а у реалистов немного больше интересов, немного меньше ценностей. Поэтому когда американцы во время переговоров с нами настаивают на разговоре о ценностях, нашим циникам трудно это понять. Они думают, что американцы нас просто дурят. Конечно, сами американцы зачастую нарушают свои же принципы в угоду интересам, но это означает, что работает реалистическая школа, которая говорит об отложенных ценностях свободы.

В отношении России и реалисты, и идеалисты в свою очередь делятся на две группы: одни позитивно относятся к России, другие негативно. Идеалисты, которые относятся к России позитивно, говорят о том, что Россия находится на пути к демократии и нужно помогать ей строить демократию, для чего нужно уважать ее геополитические интересы. Наиболее ярко эта линия представлена таким экспертом, как Стивен Коэн. В то же время идеалисты, которые критически относятся к России, полагают, что российское руководство целенаправленно ведет дело к тому, чтобы уменьшить демократию, и поэтому Россия должна подвергаться ожесточенной критике. Наиболее ярко эта позиция представлена в работах Майкла Макфола. Реалисты тоже делятся на две группы. Те, кто относится к России позитивно, подчеркивают, что Россия является объективным союзником США по ключевым проблемам, таким как борьба с международным терроризмом, нераспространение оружия массового поражения и ряд региональных проблем. Реалисты, относящиеся к России негативно, полагают, что Россия должна подвергаться ожесточенной критике и политике сдерживания как противник. Позитивные реалисты – это Ариэль Коэн, Дмитрий Сайме, негативные реалисты – это Ричард Пайпс, Збигнев Бжезинский, достаточно влиятельные люди.

На постсоветском пространстве ключевую роль играют негативные реалисты.

США и СССР – особенные, позитивные империи

Соединенные Штаты – это, конечно, империя. Но это империя своеобразная, поэтому американцы не приемлют обвинения их в империализме, как не принимал обвинений в империализме и Советский Союз. На самом деле и СССР, и США – это империи «наоборот». Это позитивные империи, устремленные в будущее. Если классические империи создавали колонии и их эксплуатировали, то СССР и США расширяют пространство своей идеологии и сами являются заложниками своей идеологии, сами служат этой идеологии, и поэтому они готовы много отдавать.

В классической империи колонии вынуждены служить интересам правящих классов метрополии. В империи, наоборот, все служат идее, поэтому столицы часто вкладывают в развитие своих неклассических колоний больше, чем в развитие метрополии. В советское время выиграли бывшие отсталые окраины. Выиграли и те страны, что стали частью американской империи, прежде всего страны, проигравшие Вторую мировую войну. Американская империя вложила огромные деньги в Европу в рамках «плана Маршала», а теперь – в своих новых союзников в постсоциалистических странах.

Политическая религия США

Американская внешняя политика в огромной степени находится под влиянием религиозной доктрины. И правильно говорят о том, что многие американские христианские политики похожи на исламских фундаменталистов. Нам это тоже очень трудно понять, поскольку у нас вера – дело сугубо частное. У американцев религиозность встроена в рамки политической жизни. Хорошо известно, что в Америке ключевую роль на выборах играют южные консервативные штаты, которые называются библейским поясом. Именно поэтому на последних выборах почти всегда побеждали губернаторы южных штатов.

Ключевые проблемы в отношениях Россия – США

Сегодня российско-американские отношения переживают достаточно трудный период. Нас объединяет большинство серьезных проблем. Мы являемся общими участниками фронта по борьбе с международным терроризмом, мы главные заинтересованные и главные актеры в том, что касается нераспространения оружия массового поражения и технологий, связанных с оружием массового поражения.

В то же время Россию и Америку разделяет комплекс трудных проблем, и **прежде всего это проблема внешнеполитического статуса России**. Россия хочет вернуться в высшую лигу мировой политики после кризиса 90-х, когда она оттуда выпала. США возглавляют коалицию государств, которая хочет оставить Россию в 90-х, когда она была слаба и ее интересы можно было не учитывать.

Мнение России – она такая же суверенная страна, как США, и на переговорах мы должны обсуждать внутренние российские проблемы не больше, чем американские. Когда мы просили американской помощи, был резон обсуждать внутрироссийские проблемы, но сейчас мы помощи не просим, и нет смысла их обсуждать. В свою очередь американцы полагают себя гарантами современного мирового порядка. *Недаром идет дискуссия о так называемой суверенной демократии, которую США считают вредной выдумкой.*

Когда мы поддержали борьбу Соединенных Штатов с мировым терроризмом (которую мы давно вели в Чечне), многие американцы, из тех, кто способен относиться к нам хорошо, стали говорить о том, что Россия согласна на младшее партнерство. Им и в голову не пришло, что Россия и США могут быть равноправными партнерами. Проблема статуса – из ключевых. Мы, как великая страна, с независимой историей свыше пятисот лет, согласны либо на равноправное партнерство, либо на такое партнерство, где мы доминируем. У США вообще нет опыта равноправного партнерства, у них бизнес-подход. А в бизнесе, как известно, есть либо старшие партнеры, либо младшие, а равенство партнеров считается нестабильной ситуацией. Американцы признают либо равного противника, каким они воспринимают Китай, либо партнера, но не равного, а подчиненного. Трудность определения американской позиции не только в том, что касается России, но и Евросоюза тоже. Американцы никак не могут признать Евросоюз равным партнером. То есть формально они его признают, но фактически через своих сателлитов типа Польши, Латвии, Эстонии пытаются ослабить Евросоюз изнутри, пытаются максимально затруднить формирование единой внешней оборонной политики Евросоюза, полагая, что тот должен просто следовать политике НАТО. А НАТО – это организация, где доминируют Соединенные Штаты Америки.

Второе – это **вопрос энергоносителей**, обострившийся в связи с ростом цен на них. Американцы желали бы контролировать российскую нефть и газ, но наша элита, естественно, желает контролировать их сама. Мы хотим усилить свое энергетическое могущество, а американцы – максимально его ослабить. Они стремятся диверсифицировать энергетические потоки на мировые рынки, чтобы рынок зависел от множества стран – желательно от сателлитов. Поэтому стремятся построить нефтегазопроводы в обход России.

К тому же **у нас серьезные противоречия на постсоветском пространстве**. Оно жизненно важно для российских интересов, а Соединенные Штаты пытаются создать там анти-российские режимы, проводя политику сдерживания России, и именно ситуация на постсоветском пространстве может вызвать всплеск противостояния России и США.

Еще одна проблема связана с **оружием массового поражения**. Давным-давно была принята программа ограничения вооружения СССР и США, в которой прописывались взаимные договоренности, сдерживающие гонку вооружений. Но после окончания холодной войны американцы практически вышли из всех договоров, решив, что теперь могут делать что хотят.

Вообще **законы всегда выгодны слабым и невыгодны сильным**, а сильными сегодня являются Соединенные Штаты. Поэтому США, по сути дела, выступают против международного права, которое зафиксировано в том числе в таких организациях, как ООН. США хотят свободы рук, а мы хотели бы связать США разными обязательствами.

У нас есть серьезное **противоречие и по ВТО**. Американцы хотят, чтобы мы дорого заплатили за вступление в ВТО. Считая себя главными создателями системы свободной торговли, они пытаются и здесь диктовать свои условия.

Есть у нас и **противоречия по военно-техническому сотрудничеству**. С точки зрения американцев, нельзя торговать со странами, режимы которых представляют угрозу безопасности США. Поэтому России «запрещено» это делать, а со всеми демократическими режимами США торгуют сами. Мы слышим немой вопрос российского ВПК: а с кем же нам тогда торговать? И немой ответ США: ну и пускай он умрет, ваш военно-промышленный комплекс, ведь есть американский, который может обеспечить оружием весь мир.

Примерно таков состав конфликтов, которые проявились в последнее время.

Вообще **США застряли в холодной войне, они не знают другой России и не хотят ее знать**. Либо Россия должна быть врагом, как был Советский Союз, либо она должна быть демократической страной по американскому типу, и, конечно же, она должна быть американским союзником. Идеал – быть второй Польшей, только большей. А если России не нравится американский тип демократии, значит, она недостаточно демократична.

Дилемма «единственной сверхдержавы»: трудно быть Богом

Огромную роль в формировании внешней политики, конечно, будет играть кризис, связанный с войной в Ираке. США уверовали в свое всеисие. Уверовали в то, что могут переформатировать весь Большой Ближний Восток, обустроить здесь демократические страны в своем стиле. Однако, вторгшись в Ирак, они многое не продумали. Трудно быть Богом и вершить судьбу других народов, и у американцев это тоже не очень получается. Американцы очевидно не соответствуют этой миссии, и в этой связи избирательная кампания, которая разворачивается в Соединенных Штатах, очень интересна, поскольку вопросы внешней политики выводятся на первый план.

Мифы США о России и России о США

России очень трудно построить отношения с США, потому что и у нас нет опыта взаимодействия с равными партнерами. В истории нашей страны если и были равные ей, то это были враги, если партнеры, то не равные, а подчиненные. Когда коммунистический Китай попытался вести себя с нами на равных, мы с ним немедленно поссорились. США тоже не могут строить политику с нами как с равными. Поэтому внешнеполитические элиты обеих стран стоят перед очень серьезным вызовом: как построить равноправные партнерские отношения, не умея этого делать в принципе. При этом внешняя политика России и США во многом определяется мифами.

Мифы о России. Первый миф о России идет с холодной войны: Россия – враг. Этот миф очень живуч, и если в газетах пишут о том, что некая ситуация может привести к усилению российского влияния, то все однозначно понимают, что это плохо. Второй миф – о том, что Россия слаба, поэтому можно заставлять ее подписывать Энергетическую хартию, влиять на ее внутренние дела.

Комбинация этих двух мифов опасна.

Еще один миф состоит в том, что русские какие-то особенные, не такие, как все. Мы, кстати, сами все время продвигаем миф своей особенной исключительности, которую, к тому же, и «умом не понять». Существует еще один миф: идеальные отношения России с ее ближайшими соседями – это максимальное отчуждение, и поэтому культивируется мифология особенности истории этих наций как жертв колониальной политики Российской империи.

Россию окружают как бы кольцом неприязни и опаски: все уверены в том, что она возродится как великая держава, но очень боятся, что она возродится как великая антизападная держава.

Мифы о США. В России тоже существует огромное количество мифов. Первый миф – о том, **что США по отношению к России проводят узкоэгоистическую, прагматическую политику**, основанную на интересах геополитического столкновения. Отчасти это подтверждается поддержкой режимов Эстонии, Латвии, Грузии и государственных переворотов, направленных против России, которые пытаются осуществить на Украине. Но нашей элитой почти игнорируется то, что во внешней политике Америки ценности имеют очень большое значение. Еще один максималистский миф заключается в том, **что раз у нас не получилось стать партнерами, как хотели в 90-е, да и бог с ними**, не будем тогда вообще партнерами, будем от них дистанцироваться. Кроме того, остается часть идеологического мифа, которая нам мешает: о том, что **мы не до конца определились со своей идентичностью – кто мы, россияне?** Что входит в понятие «русский мир», есть ли в этом мире место абхазам? Приднестровцам? Крымчанам? Русским в Эстонии? И так далее. Это достаточно сложно для нас, тем более, что мы до конца даже не определились со своими границами, со своей моделью экономического развития, мы не знаем, какова особенность российского капитализма, действующей демократии, как мы будем строить отношения с ближайшими странами. Эти проблемы мифологического сознания мешают в отношениях между Россией и Соединенными Штатами.

Продвижение демократии, «цветные революции»

Продвижение демократии является очень важным вопросом в российско-американских отношениях. В нашей стране это воспринимается как вмешательство во внутренние дела, что во многом правда, но у нас зачастую думают, что вопросы внутренней демократии являются для США прежде всего поводом для вмешательства во внутренние дела России. А это не так. Американцы действительно считают своим долгом бороться за демократию в России, даже идя для этого на какие-то жертвы. Соединенные Штаты действительно не могут не бороться за демократию в своем понимании – это выражение их сущности.

Россия, к сожалению, занимает пассивную, оборонительную позицию. Американцы всегда будут вмешиваться в политику других стран в борьбе за демократию и делать это будут с помощью неправительственных организаций. Поэтому призывы к тому, что неправительственные организации не должны вмешиваться в политику, тем более не должны вмешиваться в чужую политику, ведут в тупик.

Неправительственные организации сегодня играют ключевую роль. Если в XIX веке власть захватывали с помощью военных мятежей, в XX веке власть захватывали с помощью политических партий, сегодня власть захватывают с помощью неправительственных организаций, сетей, экспертных центров и средств массовой информации. И мы должны не обижаться на американцев, а построить свою систему борьбы за российские интересы. Фронт борьбы идет не только внутри страны, но и вовне, здесь нет четких границ.

Стиль переговоров США: торговля. Стиль России – поиск любви

В книге хорошо показано, что американская политическая культура прежде всего определяется протестантской религиозной этикой, в которой присутствует стремление к свободе, к либерализму. Кроме того, американцы воспринимают борьбу как норму и всегда стремятся к борьбе. Американцы торговая нация, они привыкли к торговле, в том числе во внешней политике. *Американцы ведут себя на переговорах, как бизнесмены, а мы ведем себя, как любовники на свидании: требуем честности, рассчитываем на взаимность, хотим, чтобы нас любили.* Они этого не понимают, хотя более четкой и ясной формулировки своих требований.

Внешняя политика должна быть сочетанием и интересов, и ценностей

При этом американская внешняя политика в отношении России является глубоко духовной и религиозной. Это один из важнейших выводов, который мы должны сделать. **Противопоставляя американской духовной политике одну лишь свою политику интересов, мы с неизбежностью потерпим поражение.** Поэтому для сохранения суверенитета Россия должна развивать собственную духовную альтернативу. Нам нужно формировать идеологическую альтернативу причем эта альтернатива не должна быть полностью антизападной. Ведь Византия и латинский Рим не были абсолютно чуждыми друг другу они были наследниками греческой и римской античности. Точно также и современный Евросоюз, Россия и США являются наследниками разных, но не чуждых ветвей европейской цивилизации: европейская – католическо-протестантской, римской, Соединенные Штаты – протестантской, эмигрантской, заокеанской, атлантической, мы – восточноевропейской, евразийской, православно-византийской.

В современной политике огромную роль играет одухотворенность людей массовыми идеями, когда миллионы воодушевленных людей выходят на политическую арену. *Поэтому чтобы проводить активную внешнюю политику, мы должны проводить политику идеологическую, формировать общенациональную идеологию, которая не должна быть узконациональной. Она должна иметь глобальное измерение.* Этому учит успех американской внешней политики XX века.

Книга адекватная, профессиональная, свидетельствующая о глубоком знании автором механизмов американской внешней политики, и российским читателям нужно ее изучить. Прежде всего потому, что Соединенные Штаты являются сверхдержавой, с которой мы имеем дело по очень многим вопросам, и мы должны знать механизм формирования внешней политики у своих партнеров. К тому же внешняя политика Соединенных Штатов, если не считать провалов во Вьетнаме и в Ираке, в целом является примером успеха, а историю успеха изучать полезно.

Хорошо бы написать теперь книгу о механизмах формирования российской внешней политики с такой же степенью проникновения в предмет, ведь Россия во многом еще не осознала саму себя.

Сергей Марков,
*заместитель председателя Комиссии
Общественной палаты РФ по международному сотрудничеству
и общественной дипломатии,
член Совета по внешней и оборонной политике*

Часть I

Либерально-демократическое кредо в проекции на внешнюю политику

«We are what we are»

Дональд Рамсфелд, министр обороны США в 2001–2006 гг.

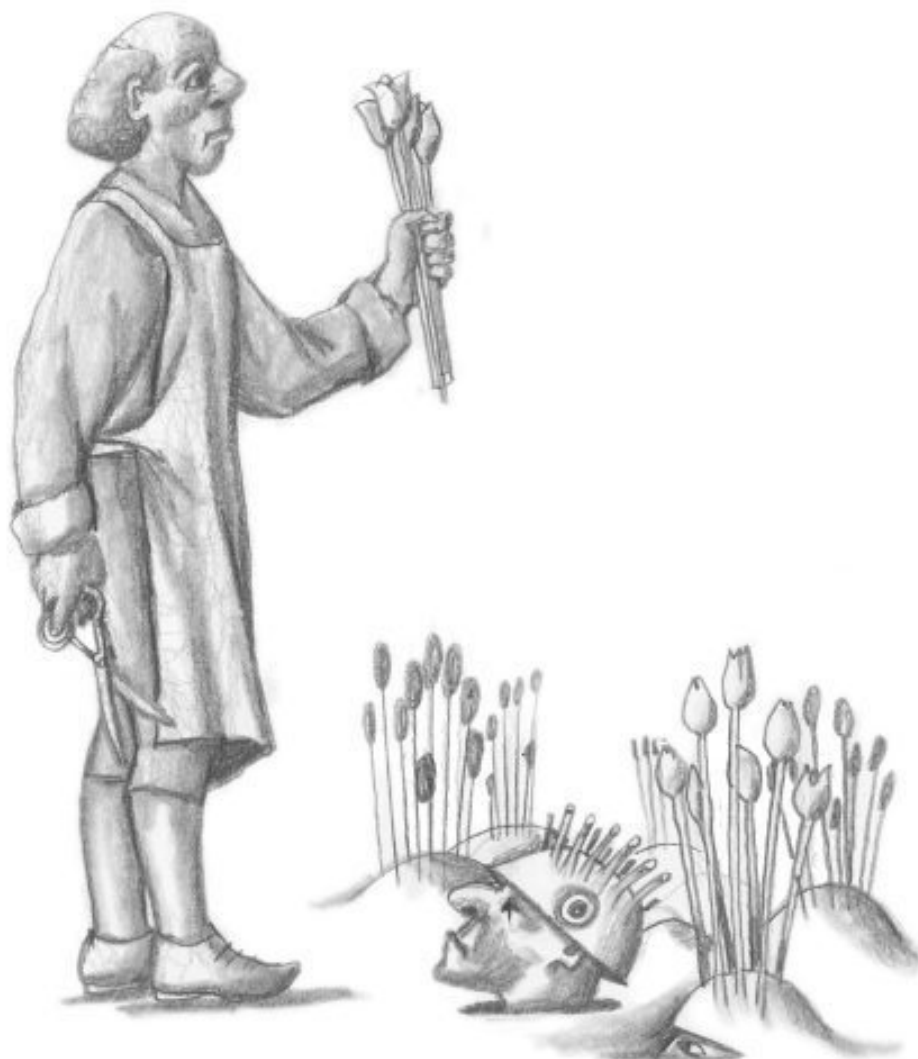
«Наша непорочная, добродетельная, ориентированная на общественный интерес федеративная республика продлится на века, будет править планетой и создаст идеального человека»

Джон Адамс, один из отцов-основателей, второй президент США¹

---

¹ Джон Адамс в письме Томасу Джефферсону в 1813 году. Quoted in Kohn H. American Nationalism. New York: MacMillan, 1957. P. 24–25.

О чем говорят ценности

Если российским умом понять Россию сложно, то американским это сделать еще сложнее. Дело в том, что «американский ум» состоит из существенно отличающегося от российского набора ценностей, наполненных, к тому же, уникальным содержанием.

В основу американского национального сознания вошли либерально-демократические понятия, сформулированные отцами-основателями: демократия, свобода, права человека, верховенство закона, частная собственность и рыночная экономика. Термин «либеральная» в понятии «либеральной демократии» делает акцент на конституционной защите индивидуальных прав от государственного давления. Система этих ценностей была заложена 230 лет назад и с тех пор не изменялась – в отличие от российской, которая за один только XX век поменялась трижды. Будучи основоположниками этих ценностей, Соединенные Штаты естественным образом считают себя обладателями авторских прав на них и блюстителями их чистоты.

Через призму этих постулатов США смотрят на мир и оценивают других. Другие позиционируются в системе координат, осями которой служат либерально-демократические принципы, а эталонные величины задают сами Соединенные Штаты. Так было с момента зарождения американского государства, так есть сегодня, и нет причин ожидать, что ситуация изменится в будущем.

Россия, тем временем, развивается по своему «особому пути». Идеологический конфликт эпохи холодной войны был снят распадом СССР. Современная Россия избрала демократический путь развития и оперирует теми же понятиями, что и США, – казалось бы, должны наступить согласие и понимание. Но здесь и появляются противоречия. Оказывается, когда Россия использует те же слова – демократия, свобода, права человека, – она вкладывает в них совершенно другой смысл. Яркой иллюстрацией глубокого смыслового разрыва является тот факт, что в России «либерально-демократической» называется партия Владимира Жириновского. Положение усугубляется тем, что стороны *даже и не подозревают*, что, оперируя одинаковыми терминами, они имеют в виду разные вещи.

Почему Америка видит Россию такой, что россияне едва узнают свою страну в ее описаниях? Видение России в Америке формируется за счет двух групп элементов: американских системных ценностей и закономерностей человеческого восприятия. Объективной реальности для людей не существует – есть только восприятие этой реальности, со своими национальными и индивидуальными особенностями. Любая входящая информация преломляется через призму ценностной системы и согласно общим закономерностям восприятия.

Стрежневая идея, на которой было построено американское государство, состоит в том, что все люди были созданы Богом и наделены им равными и неотчуждаемыми правами. Джона Локка (1632–1704), автора этой скандальной для его эпохи мысли, можно считать главным революционером в истории человечества. В контексте монархической Англии XVII века единственный индивид обладал правами от Бога – монарх, помазанник божий. Локк нашел ошибку в логике общепринятого здравого смысла монархического строя: если все люди происходят от Адама и если Бог передал власть Адаму и через его потомков – английским королям, то, следовательно, невозможно отличить короля от крестьянина, и крестьянин наделен теми же правами, что и король².

Несколькими десятилетиями ранее Локк за такие мысли был бы сожжен на костре как Джордано Бруно (в 1600 году). Вместо этого Локк стал идейным вдохновителем архитекторов первой демократической республики нашей эры, которая с тех пор неотвратимо набирала державную силу и, победив супердержавы разных времен, от Великобритании до Советского Союза, стала, как сегодня считают многие, единовластным полюсом земного шара.

Россия строилась на других идеях и ценностях, которые, кроме того, изменялись регулярным и фундаментальным образом. *Если Америка, заложив в фундамент государства духовную идею, тем самым подключилась к неисчерпаемому источнику человеческой энергии, мотивации и легитимности, Россия, несмотря на свою давнюю духовную традицию, в 1917 году отвергла этот источник и заменила его коммунизмом, в который требовалось верить вполне религиозным образом.* Кстати, безбожие Советского Союза для многих рыцарей холодной войны в США служило исходным обоснованием убежденности в абсолютном зле, воплощенном в Советском Союзе.

Основополагающие ценности задают исторические пути наций, генерируют различия и определяют отношения между ними. *Культурно-политические ценности устанавливают и описывают генотип нации – наследственную конституцию ее организма, разума и души.* Система ценностей представляет матрицу жизнедеятельности народа, задающую устойчивые формы сознанию и поведению граждан и функционированию политических институтов.

---

² Watson P. *Ideas: A History of Thought and Invention*. New York: HarperCollins, 2005. P. 503.

Помимо этого ценности исполняют стабилизирующую функцию: они наиболее приемлемым для большинства образом обосновывают социальную и экономическую иерархию общества. Убедительность и действенность ценностей сокращает транзакционные издержки государственной системы, ибо сила идей и добровольное применение их обществом экономят политическую энергию государства, сокращая потребность в применении принудительной силы.

На индивидуальном уровне ценности задают субъективные убеждения и восприятие человеком других людей, событий и явлений. Сопоставляя реалии с наличным культурным образцом, человек наделяет их тем или иным смыслом и интерпретацией. Система национальных ценностей создает коммуникативную сеть, по которой циркулируют культурные образцы, диктующие восприятие людей и явлений и предоставляющие репертуар возможных реакций на них. Погруженный в коммуникативные сети культуры, человек действует так, как ему подсказывает образец. Субъективные факторы влияют на политику государства опосредованно и более тонко, но их глубинный подсознательный характер, автоматичность действия и неподверженность изменениям дают им значительный вес. Психологические установки, не проходящие через рациональную проверку, определяют тип реакции на раздражители и предлагают направление для выражения.

Во внешнеполитическом измерении ценности участвуют в формулировании национальных интересов и интерпретации событий, в определении союзников и соперников – кто есть друг, кто есть враг, ради чего и против кого страна борется. При реально-политическом подходе действиями управляют интересы, но, замечал Макс Вебер, как стрелочник меняет направление поезда, так и видение мира, созданное «идеями» и «ценностями», задает направление, в котором воплощается динамика интереса³. Ценности усиливают самоидентификацию нации через контраст с «другими» и, еще более эффективно, – через контраст с «врагами». По ходу диалога государства оперируют терминами, наполнение которых обеспечивает система ценностей нации, и пользуются коммуникативными инструментами и подходами, имеющимися в их распоряжении.

Насколько национальные ценности устойчивы и насколько они подвержены переменам? Почему одни характеристики сохраняются даже в ходе кардинальных изменений политического строя, а другие теряют свое значение и нейтрализуются? Устойчивость идеалов, убеждений и привычек описана как научными, так и народными выражениями. Среди народных есть поговорка французов: «Чем больше оно меняется, тем больше остается тем же» (Plus ça change, plus c'est la même chose). Русский эквивалент никто пока не сформулировал лучше Виктора Степановича Черномырдина. Тем не менее изменяемость ценностей подтверждается реальностью, и в особенности реальностью российской, сменившей царя на большевиков и партию, а затем на «демократов-либералов» и неистовых «капиталистов».

Противоречие между неизменностью и изменениями ценностей снимается их классификацией по нескольким слоям. «Сверхисторические», онтологические ценности составляют ядро нации, они складывались столетиями, принадлежат к общекультурным фундаментальным основам общества и редко претерпевают существенные изменения. В случае России к ним принадлежат заветы православия, каноны семейных отношений, стремление людей сложить всю власть в руки одного человека. Ценностные ориентации отдельных эпох изменяются с историческими периодами и поколениями: от царских времен к социализму и затем к развивающейся демократии. Поверхностный слой ценностей, операциональный опыт, может изменяться в рамках одного поколения – так россияне 1990-х годов осваивали новые политические институты и практики, от кооперативов и ваучеров до ночевки перед Белым домом и широкого выбора политических партий. Все три слоя ценностей в совокупности обеспечивают одновременную преемственность и изменяемость национальных ценностей.

---

³ Quoted in Jervis R. *Perception and Misperception in International Politics*. NJ: Princeton University Press, 1976. P. 9.

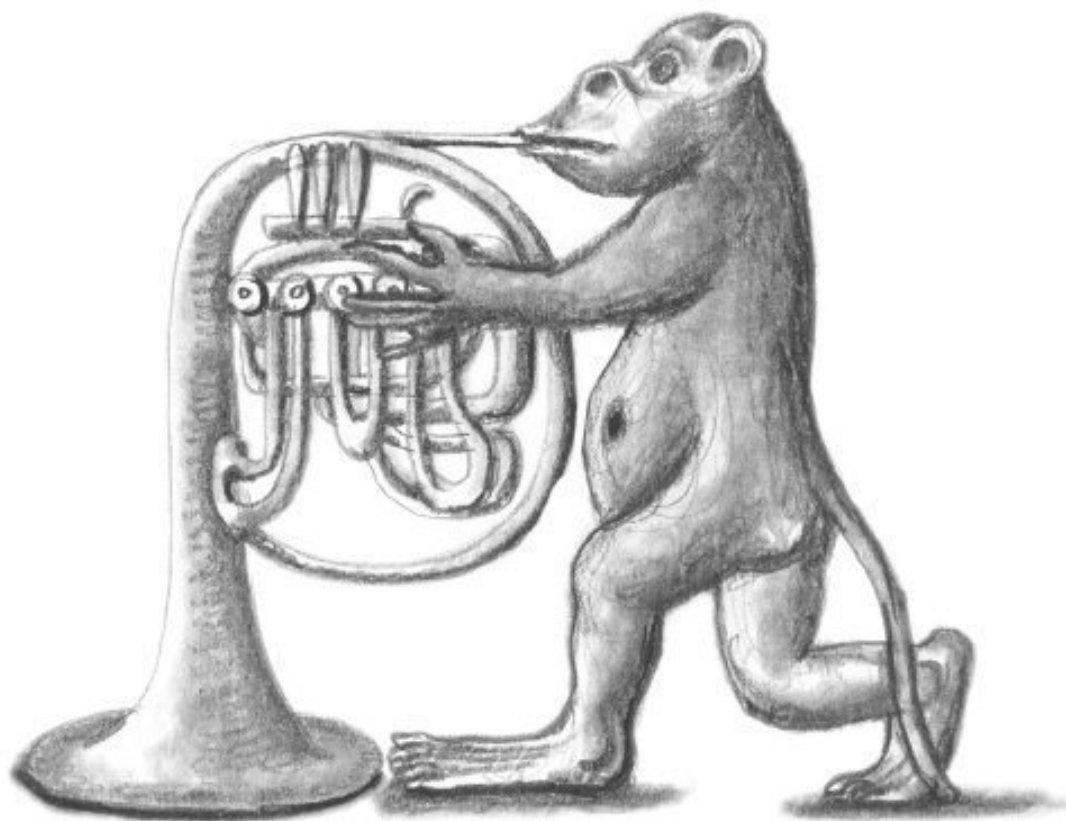
Самюэль Хантингтон в своей известной работе «Столкновение цивилизаций» подчеркивает важность сверхисторических факторов в современном мире: «Люди разных цивилизаций по-прежнему по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии»⁴. И даже воплощение идеолога – Ричард Пайпс – считает культуру важнее идеологии: «Идеи приспособляются к той почве, на которую они падают», – пишет он⁵.

---

⁴ Huntington S. *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Shuster, 1996.

⁵ Pipes R. *Vixi: Memoirs of a Non-Belonger*. New Haven, CT: Yale University Press, 2003.

Америка – нация парадоксов и противоречий

Прежде чем пуститься в рискованные обобщения об американской нации, необходимо сделать несколько важных предупреждений. Какая бы характеристика американской индивидуальности ни была приведена, ей обязательно найдется полная противоположность, а пространство между ними будет заполнено полным спектром оттенков. Американская индивидуальность соткана из двойственностей, противоречий и противоположностей, которые вполне могут встречаться и уживаться в одном человеке. Количественные измерения качественных характеристик могут приближаться к крайним величинам. В этом разнообразии и экстремальности характеристик Америка очень схожа с Россией.

Выражение «страна парадоксов» для Америки столь же верно, что и для России. Именно парадоксы определяют национальную индивидуальность. Историк Майкл Каммен характеризует Америку словосочетаниями из несовместимых на первый взгляд понятий: «религиозный материализм», «прагматический идеализм», «практический морализм»⁶. Америка, согласно Каммену, сочетает неистовую конкуренцию со скромным сотрудничеством, погоню за материальным благосостоянием – со стремлением к возвышенным духовным идеалам. Эти разнонаправленные послы не столько разграничивают политические группы и партии, сколько сосуществуют внутри общества и людей. Историк Уолтер Макдугалл, перечисляя военные фантазии американцев, спрашивал себя: «Что говорят они о нас и о нашей стране? Я не знаю.

---

⁶ Kammen M. *People of Paradox: An Inquiry Concerning the Origins of American Civilization*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990.

Или, по крайней мере, я знаю, что американцы слишком сложные, слишком разные, слишком противоречивые и, возможно, шизофренические для того, чтобы подвергаться описаниям»⁷.

Англо-американский политолог Анатолий Ливен, один из наиболее чутких современных исследователей, в своем блестящем анализе американского национализма демонстрирует целую серию противоречий, создающих индивидуальность Америки. Согласно Ливену, великое американское кредо – или, как он его называет, американский тезис, – состоящее из англо-протестантских ценностей, находится в постоянном противоборстве с американским антитезисом, «диффузной массой идентичностей и импульсов», сочетающей взгляды специфической культуры Юга и различных этнических групп.

Многообразие и разноречивость характеристик не только отражают плюрализм, но и создают глубокие противоречия и линии напряженности внутри общества вплоть до его раскола. Так, консервативная, высокорелигиозная Америка центральных штатов, the heartland, на дух не переносит «распушенность нравов» космополитичного населения побережий. Эти самые консервативные 30 % американского населения сегодня одобряют деятельность Джорджа Буша на посту президента и считают, что американские войска побеждают в Ираке. Многие из них никогда не бывали за пределами Соединенных Штатов; практику медицинских абортов они приравнивают к убийству, однако выступают за ношение оружия и за смертную казнь, что не мешает им быть глубоко верующими людьми и усердными прихожанами. С другой стороны спектра, у 30 % самых либеральных американцев, одно имя президента вызывает судороги. Они считают, что Джордж Буш нанес непоправимый ущерб их стране и американской демократии и должен быть отстранен от власти.

Одно лишь объединяет всех американцев: убежденность в единственной верности либеральной демократии как государственного строя и стремление сохранить и улучшить его в Америке.

---

⁷ McDougall W. *War and the Military in American History* // Foreign Policy Research Institute Bulletin. Vol. 12. 2007. № 7.

Либерально-демократическое кредо

Система либерально-демократических идеалов часто именуется «американским кредо». Этот термин появился лишь в 1917 году стараниями малоизвестного клерка палаты представителей, но отсылает он к фундаментальным принципам, заложенным отцами-основателями американского государства в 1770-1780-е годы. Американское кредо резюмирует национальную идею Америки и задает координаты системы ценностей.

Набор составляющих либерально-демократического кредо варьируется на уровне определений, но не духа. Гуннар Мюрдаль, популяризовавший термин в 1944 году работой «Американская дилемма», говорил о «присущем каждому человеку достоинстве, фундаментальном равенстве всех людей, о бесспорных неотъемлемых правах на свободу, о справедливости и равных возможностях». Согласно Самюэлю Хантингтону, американское кредо воплощает политические принципы свободы, равенства, демократии, индивидуализма, прав человека, законности и неприкосновенности частной собственности⁸. По мнению Анатоля Ливена, кредо составляют вера в свободу, конституционализм, закон, демократия, индивидуализм, культурный и политический эгалитаризм⁹. Социолог Сеймур Мартин Липсет приводит идеалы свободы, равенства, индивидуализма, популизма и *laissez-faire*.

Первым документом, формально провозглашающим эти ценности, стала «Декларация независимости», принятая 4 июля 1776 года. Основной ее автор, позднее президент Соединен-

⁸ Huntington S. *Who Are We: The Challenges to America's National Identity*. New York: Simon & Shuster, 2004. P. 46.

⁹ Lieven A. *America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism*. New York: Oxford University Press, 2004. P. 49.

ных Штатов (1801–1809 гг.) Томас Джефферсон вошел в историю своей страны как «апостол свободы».

«Мы считаем следующие истины самоочевидными: что все люди созданы равными, что они наделены Создателем известными неотчуждаемыми правами, среди которых – право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью». Эта первая строка «Декларации независимости» с тех пор является не только юридической реальностью, высшей истиной, но подсознательной установкой для любого американца. Исполнению этого принципа, согласно Декларации, подчинены государство и власть: «С целью обеспечения этих прав, люди создают правительства, законные полномочия которых проистекают из согласия управляемых». В том случае если правительство перестает выполнять эти функции должным образом, оно подлежит свержению: «Если любая форма правительства начинает действовать против этих принципов, люди имеют право изменить или свергнуть его и учредить новое правительство...»

Декларация независимости институционализировала две выдающиеся особенности американской государственности и мировосприятия. Во-первых, убеждение в том, что *правами, равенством и свободой людей наделил Бог*. Это утверждение составляет яркий контраст с российским пониманием государства и власти как инстанции, наделяющей и отбирающей у человека его права и свободу. Из этого же положения следует, что *ценности не требуют доказательства, что человек обладает ими с рождения и не может быть лишен их*.

Во-вторых, *основная функция государства состоит в том, чтобы защищать права человека, свободу и равенство*, в то время как в России во все времена человек был призван обслуживать потребности государства. Отсюда следует, что *права человека, его свобода и равенство превыше государства*.

Утверждение либерально-демократических ценностей было продолжено принятием Конституции Соединенных Штатов Америки в 1787 году. Если «Декларация независимости» провозгласила суверенитет страны, то Конституция объявила о рождении американской нации и государственности.

Американская нация определяется приверженностью политическим и гражданским принципам – в противоположность территориальным или этническим определениям других наций. Гуннар Мюрдаль, указывая на расовую, религиозную, этническую и региональную гетерогенность Соединенных Штатов, утверждал, что американцев объединяет одна «общая особенность: социальный этос, политическое кредо»¹. В 1782 году натурализованный француз Жан де Кревкёр говорил, что Америка смоделировала «новую расу людей» и ввел образ плавильного тигля – *melting pot*. Эта характеристика Америки является общей с Россией, многонациональным и многоконфессиональным государством, народы которого объединяла идея цивилизационной общности, а в советское время с особой силой – политическая цель построения коммунизма.

На протяжении всей американской истории принадлежность нации определялась готовностью людей принять ее культурные, гражданские и политические идеалы. Индивидуальность и единство Америки основывались на способности и готовности англопротестантской элиты отпечатать свой культурно-политический образ на других людях, прибывающих в страну. Миллионы иммигрантов смогли получить доступ к богатству, власти и статусу в американском обществе потому, что согласились ассимилироваться в преобладающую американскую культуру. Тем, кто не хотел принимать эти идеалы, не было места в американском обществе.

Современные американцы в большой степени разделяют идеи основателей нации, идентифицируя себя с политической системой. Отвечая на вопрос, каким аспектом страны вы наиболее горды, 85 % американцев ответили «правительство, политический строй» – в сравнении с 46 % британцев, 30 % мексиканцев, 3 % итальянцев. Согласно исследованию политической культуры, проведенному Университетом штата Виржиния в 1996 году, 80 % опрошенных

выражают высокую степень «поддержки нашей политической системы», а 76 % опрошенных «горды жить при данном политическом строе»¹⁰.

---

¹⁰ The State of Disunion: 1996 Survey of American Political Culture, University of Virginia.

Источники либерально-демократического кредо

Либерально-демократические ценности возникли в эффекте уникального сочетания нескольких факторов. Это англопротестантская политическая культура, привезенная из Европы первыми поселенцами; протестантская религия с ее духом протеста; интеллектуальная база эпохи Просвещения; особенности исторического развития североамериканских колоний; появление уникальной группы единомышленников – отцов-основателей.

В то время как в Старом мире «средневековье и дурные обычаи» поддерживали тиранию, Америка, по словам историка Генри Коммаджера (1902–1998), явилась поселенцам «чистым листом», «табула раса», на котором могло быть создано идеальное государство. *Нетронутая, «неиспорченная» Америка предоставляла исключительную площадку и возможность для эксперимента.* Там отсутствовала монархия, которую было бы необходимо свергать; не было церкви, которая бы вдохновляла гонения; не было лицемерного законодательства, косности традиций, страха перед правителями. Революционер-академик Томас Пэйн отмечал, что «состояние и обстоятельства Америки преподносили себя началом мироздания. (...) Мы вдруг обнаружили себя в точке, где начинается правительство, как будто бы мы жили в начале времен». В сравнении с Россией процесс построения нового типа государства для Америки облегчался отсутствием необходимости «до основания» разрушать существовавший мир и изменять онтологические ценности. Кроме того, *собственно идея переезда в Америку производила естественный отбор людей: искателей свободы, готовых прилагать усилия для ее получения и поддержания, наделенных предприимчивым, упорным, деятельным характером, убежденных в верности своих идеалов.*

Англопротестантская политическая культура

До отцов-основателей американского государства были поселенцы-основатели. До документов 1776 и 1787 годов были общины поселенцев в 1607, 1620 и 1630 годах. Первые поселенцы из Старого Света привезли с собой специфическую англопротестантскую культуру, сложившуюся в Великобритании. Ключевые элементы этой культуры: английский язык, убежденное христианство, английские концепции законности, ответственности правителей и прав индивидов, берущие начало с Великой хартии вольностей 1225 года (Magna Carta, которую, кстати, британцы считают величайшим событием в истории своего государства). Здесь же протестантские ценности индивидуализма, трудовой этики и вера в то, что люди могут и должны стремиться создать рай на земле. Поселенцы создавали видение политических и законодательных институтов на основе институтов и практик Англии времен конституции Тюдоров (конец XVI – начало XVII в.), которая устанавливала верховенство закона над правительством и ограничивала его действия. Конституция Тюдоров совместила «возвышенные» и «технические» функции в руках главы исполнительной власти, учредила двухпалатное законодательное собрание, ввела ответственность законодателей перед их избирателями и возложила задачи обороны на армию милиционного типа в противоположность постоянной армии.

Первые поселенцы также привезли с собой отрицание всего того, что заставило их покинуть родину. Понимание европейской реальности XVII века чрезвычайно важно для осмысления логики формирования американского государства, ибо в большой степени эта логика диктовалась *отторжением европейских черт: Америка создавалась как «обратное отражение» Европы.* В большинстве европейских стран царил абсолютизм, протестантизм подвергался безжалостным гонениям, а жесткая социальная иерархия строго фиксировала потолок социальных и экономических возможностей людей. Поселенцы бежали в Новый мир от религиозных гонений, экономического угнетения и социальных притеснений с намерением построить общество, где бы эти несчастья отсутствовали.

Протестантская религия и дух протеста

Протестантизм сыграл центральную роль в формировании американской политической системы и ценностей. По словам С. Хантингтона, английская протестантская революция была важнейшим историческим событием, сформировавшим Америку, «дитя протестантской Реформации». Историк философской и политической мысли Питер Уотсон считает, что решающим фактором возникновения американского государства явилось протестантское восстание: Лютер и Кальвин, инициировав реформу церкви, заложили идею передачи власти и политического суверенитета народу¹¹.

Протестантство появилось в средневековой Европе именно в *протест* против доктрины и практики римской католической церкви. Протестантские реформаторы обвиняли римскую католическую церковь в авторитаризме, жесткой иерархии и отвергали необходимость посредничества церковных служителей в общении верующего с Господом. Вдохновляемые целью вернуть христианскую религию к духовным истокам Нового Завета, протестанты настаивали на чтении Священного Писания без интерпретации служителями церкви и на спасении через Святой Дух, исходящий непосредственно от Бога, а не через священников.

Протестантизм в Америке приобрел специфические черты, отличающие его от протестантской религии на европейском континенте. Во-первых, *протестантизм по-американски – это религия протеста par excellence, воплощение сопротивления, независимости и свободы*

¹¹ Watson P. Op. cit. P. 498.

на всех уровнях и во всех сферах жизни. Ставший для американцев идеологом консерватизма, английский философ Эдмунд Бёрк называл американский протестантизм *«рафинированным принципом сопротивления: это разногласие в несогласиях, это протестантизм протестантской религии»*. Он отмечал «страстный дух свободы» американцев, ярко контрастирующий со страхом, трепетом и благоговением, испытываемыми англичанами по отношению к политическим и религиозным властям. Американцы являются протестантами того особого рода, который питает отвращение к любому безусловному повиновению разума и мнения. Этот «дух свободы» существует в Америке на всех уровнях, от философского видения миссии Америки до деталей практической жизни.

Разногласия стали интегральным элементом системы. В начале XIX века дошедшее до бунта внутреннее религиозное диссидентство расщепило протестантизм на великое множество ответвлений, проповедовавших значительные вариации в практике религии: баптисты, методисты, пиетисты, фундаменталисты, евангелисты и многие, многие другие. Эти ветви протестантизма сосуществуют в мире, и все они вербуют приверженцев самым активным образом.

Во-вторых, протестантский дух в Америке проник во все сферы и обусловил содержание и особенности политической, общественной, экономической и личной жизни людей. Европейец Филипп Шав в XIX веке отмечал, что в Америке каждая черта имеет протестантское начало. По словам историка этических ценностей Вильяма Миллера, религия в Америке не только совместима с политическим кредо, но и помогла его создать: *«Здесь либеральный протестантизм и политический либерализм, демократичная религия и демократичная политика, американская вера и христианская вера проникли друг в друга и оказали глубочайшее влияние друг на друга»*. По словам Хантингтона, *протестантизм сформировал позиции Америки по отношению к частной и общественной морали, экономической активности, правительству и государственной политике.* Акцентируя прямую связь верующего с Богом и спасения через веру, тем самым отрицая роль посредников в духовной жизни, протестантизм в большой мере сформировал американский индивидуализм и отвержение всякого рода иерархических структур.

В-третьих, протестантизм в Америке насыщен особой интенсивностью и религиозным рвением. Американский протестантизм – это активная религия, диктующая энергичное воплощение в жизнь своих убеждений и верований, в отличие от пассивного созерцания и фатализма других религий. Историк Натан Хэтч описывает энергичных проповедников XIX века, построивших мощное религиозное движение: молодые люди, заряженные неукротимой религиозной энергией, *«разделяли этику тяжелого труда, страсть к экспансии, враждебность к ортодоксальной вере и стилю, рвение к религиозной реконструкции и системный план реализации своих идеалов»*. Наряду с активной позицией в жизни религиозное усердие обеспечивало пополнение рядов приверженцев. Так, многочисленные ветви протестантизма, при всех разногласиях, едины утверждением личной обязанности верующего обращать в свою веру других. *Прозелинизм протестантской религии в значительной степени обусловил и внутренний гражданский активизм американского общества, и стремление распространять демократические ценности по всему миру.*

В Европе существовавшие общества принимали либо отвергали протестантскую Реформацию, в Америке Реформация создала новое общество. Подобным образом в XX веке создавались на основе религии государства Пакистан и Израиль. *«Американское кредо – это протестантизм без Бога, светское кредо “нации с душой церкви”», – пишет Самюэль Хантингтон¹².*

Сегодня в местечке Тринити в штате Техас на 2648 человек населения имеются 33 действующие церкви – по одной на 80 человек, включая младенцев. «Религия – это образ жизни в восточном Техасе, и в центре этого жизненного опыта находится вера в существование Дьявола», – пишет Джордж Криль, автор одной из самых информативных книг о том, как можно

¹² Huntington S. Op. cit. P. 69

играть на несовершенствах и противоречиях американской системы¹³. В том же Техасе, хьюстонская церковь Лэйквуд рассчитана не менее чем на 16 000 прихожан и представляет собой суперсовременную культовую арену, которой могут позавидовать крупнейшие концертные площадки любой страны. В южных штатах число убежденных верующих стремится к 100 процентам – эта полоса почти в пол-Америки получила название «Библейский пояс» (the Bible Belt)¹⁴. В такой пропитанной верой атмосфере возрастают самые убежденные рыцари демократии и свободы, каким был, например, конгрессмен Чарли Уилсон, который почти единолично выстроил механизм поставок оружия афганским моджахедам в начале 1980-х годов в обход всех американских законов и процедур.

Если из всех особенностей современной Америки нужно было бы выбрать только одну, то этой особенностью была бы высокая религиозность нации. По процентному соотношению верующих (93 %!) Соединенные Штаты стоят ближе к исламским и развивающимся государствам (Филиппины, Мексика), чем к Западной Европе. В 2002 году 59 % американских респондентов отвечали, что «религия играет очень важную роль» в их жизни – в сравнении с 27 % в Италии и 12 % во Франции. Как в сердцах воскликнул один американский сенатор в ответ на утверждение сходства идеалов Америки и Европы: «Какое сходство! Они даже в церковь не ходят!». Половина американских семей регулярно произносит молитву перед едой, а 69 % американцев верят в существование Дьявола. Протестанты в Америке составляют 63 % верующих, из них 44 % евангелисты; католики составляют 24 %, другие религии – 8 %, из них 2 % – иудейская, не религиозны – что не равноценно атеизму – 6 % населения.

Современная практика религии в США может принимать самые немислимые формы, описание которых могло бы стать предметом отдельной книги, но вот лишь один пример. Некоторые религиозные организации ежегодно проводят «Бал непорочности» для отцов и дочерей. Главная церемония бала состоит в том, что отец торжественно «берет на себя обязательство защищать своих дочерей в их выборе непорочности», а дочери клянутся «жить непорочной жизнью перед Богом». Отец надевает дочери на палец обручальное кольцо, и они вместе разрезают свадебный торт. Такие балы проводятся в 48 штатах. Подобная практика все же скорее редкость, чем правило: большинство американцев, включая верующих, видят в этом нездоровом и отдающем инцестом церемониале скорее фанатизм, ханжество и мракобесие, чем истинную веру.

Роль ревностных пуритан в современном американском обществе исполняют евангелисты, эти приверженцы наиболее консервативной ветви протестантизма, противопоставляющей себя либеральному протестантизму и делающей акцент на важности веры в общественной жизни и морали. Именно евангелисты, ряды которых насчитывают 60 миллионов, голосованием «за ценности» обеспечили победу Джорджа Буша на выборах 2004 года; именно они составляют большую часть тех 30–35 % американцев, которые сегодня «одобряют деятельность Джорджа Буша на посту президента» и верят, что «американские войска побеждают в Ираке». Многие евангелисты пришли к вере в зрелом возрасте – как говорит устойчивое американское выражение, «родились заново» (born again); эти новизна и осознанность обращения и стремление компенсировать время, потерянное за годы жизни без Бога, часто вселяют в людей особенно горячий религиозный порыв и усердие. В том, что «вера является стержнем

---

¹³ Crile G. *Charlie Wilson's War: The Extraordinary Story of the Largest Covert Operation in History*. New York: Atlantic Monthly Press, 2003.

¹⁴ «Библейский пояс» охватывает штаты от Каролины и Джорджии на востоке до Техаса на западе и поднимается на север примерно до половины Америки, включая части штатов Пенсильвания, Кентукки, Иллинойс и Миссури. Консервативные религиозные и социальные убеждения жителей этих штатов резко контрастируют с либерализмом северо-восточного и западного побережий.

американской силы», уверены 83 % протестантов-евангелистов – в сравнении с 57 % умеренных протестантов и 58 % католиков¹⁵.

Самый известный из евангелистов – президент Джордж Буш. Отметив свое сорокалетие особенно обильным возлиянием и получив от супруги Лоры ультиматум «либо я, либо алкоголь», неудачливый бизнесмен Буш разом прекратил пить и «нашел Бога». Второе явление божества президенту Бушу, согласно его неофициальным биографам, произошло 11 сентября 2001 года. С тех пор президент уверовал, что он исполняет волю Бога, будучи его инструментом во вселенской борьбе Добра со Злом.

Сегодня христианский фундаментализм наиболее радикальных американских евангелистов вполне сравним с исламским фундаментализмом радикалов Ближнего Востока. Некоторые евангелистские проповедники видят в американской оккупации Ирака «новые захватывающие возможности для обращения в христианскую веру мусульман». Общая тема их проповедей заключается в убеждении, что «наш президент – настоящий брат во Христе, и поскольку он услышал волю Бога о том, что наша нация должна объявить войну Ираку, мы блаженно с этим согласимся»¹⁶.

Противостояние исламскому радикализму также примечательным образом сблизило американских евангелистов с израильскими ортодоксами и правыми, несмотря на очень непростые отношения между христианством и иудаизмом. Процветающее движение «христианского сионизма» в Америке основывается на убеждении, что действия Израиля приближают воплощение библейского предсказания о втором пришествии. Помимо традиционной поддержки «единственной демократии на Ближнем Востоке» Израиль сегодня получает моральное и политическое подкрепление от американских евангелистов как сражающийся «на переднем фронте войны Добра против Зла». В результате республиканский президент Джордж Буш обрел репутацию самого произраильского президента в истории Соединенных Штатов, в то время как произраильская политика ранее считалась прерогативой демократов.

Очевидно, что описанные выше эпизоды радикальной интерпретации религии относятся лишь к небольшой части американского общества. Нормой же в американском обществе по-прежнему остаются неограниченная свобода вероисповедания, великое разнообразие религий и их деноминаций, открытость и расположенность большинства американцев к представителям других вер. Радикальная часть общества получила непропорционально влиятельный голос в американской внутренней и внешней политике за счет того, что подобных взглядов придерживается президент. Между евангелистами и Джорджем Бушем образовалась своеобразная круговая порука: евангелисты избирают и поддерживают его, а он проводит политику сообразно их убеждениям.

Религиозное усердие вносит в американское общество, известное своей рациональностью и тем часто отличаемое от российского, существенный эмоциональный заряд. Вера – это самое близкое, самое личное из того, что есть у людей, она важнее политических убеждений. Самюэль Хантингтон отмечает, что протестантские убеждения в Америке постепенно теряли интеллектуальный элемент: «доктрина уступила эмоциям»¹⁷

---

¹⁵ *Americans Struggle with Religion's Role at Home and Abroad*. Pew Research Center, released March 20, 2002.

¹⁶ Marsh C. *Wayward Christian Soldiers* // The New York Times. 2006. January 20.

¹⁷ Huntington S. *Op. cit.* P. 65.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.